

**Ритм как система и как феномен.
Два способа интерпретации русского
стихотворного текста**

Ю. В. Шатин

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН, НОВОСИБИРСК

Аннотация. Предпринята попытка описать феномен ритма отдельного стихотворного текста с точки зрения того, насколько он довлеет общепринятой метрической схеме, а насколько отклоняется от ее параметров. Автор полагает, что именно такого рода отклонения обладают повышенной семиотической значимостью. Одним из главных событий такого отклонения становится отказ от понимания стихотворной речи как структуры и трактовка его как ризомы, понимаемой в духе Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Благодаря ризоме и осуществляется организованное насилие стиха над языком, о котором почти сто лет назад писал Р. Якобсон. Хотя значительное число ризоматических построений характерно для стиха XXI в., следы такого отклонения легко обнаружить у поэтов XVIII–XX вв., например, у Державина, Тютчева, Гиппиус.

Ключевые слова: феномен, ритм, метр, ризома, самофигурирование, автохтонность.

УДК 75. 01

Шатин Ю. В. Ритм как система и как феномен. Два способа интерпретации русского стихотворного текста // Критика и семиотика. 2016. № 1. С. 26–35.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2016. № 1
© Ю. В. Шатин, 2016

Контактная информация: Шатин Юрий Васильевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИФЛ СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, shatin08@rambler.ru)

Заканчивая свой очерк «Белый – стиховед и Белый – стихотворец», М. Л. Гаспаров справедливо отдал должное последней стиховедческой книге поэта-символиста «Ритм как диалектика», указав, что она заслуживает большего внимания и уважения, чем обычно выпадает на ее долю. В развитие этой мысли Гаспаров писал: «Свою программу-минимум Белый выполнил: ввел в употребление объективный показатель однообразия и разнообразия ритма, лучше которого до сих пор ничего не предложено. Это не так уж мало. Именно в наше время, когда вошли в употребление трудные для восприятия и анализа полиметрические композиции с частой сменой сложных размеров, стали особенно актуальны проблемы восприятия стиха: начав читать или слушать текст, на которой строке мы решаем, что перед нами четырехстопный ямб или дольник, в котором отдельные строки совпадают по звучанию с 4-стопным ямбом? И как ощущается нами стих до того момента, до фиксации наших дальнейших ритмических ожиданий? Это вопрос не о статике, а о динамике восприятия стиха, не о ретроспективном, при перечтении, исследовательском определении его строя, а о непосредственном при первочтении, читательском ощущении его звучания» [Гаспаров, 1988, с. 459–460].

При всей значимости этого вывода остается неразрешимым главный вопрос: возможно ли научное описание развития русского стиха не только как предустановленного движения от досиллабики к силлабике, а затем к силлаботонике и далее к различным формам тонического стиха и верлибра, но и как некоторого набора прецедентных текстов, связанных с сознательным отказом поэта от принятых правил и их деконструкцией? Иными словами, возможно ли, оставаясь в рамках научной теории и не прибегая к разного рода психологическим и эстетическим отсылкам, описывать каждый отдельно взятый феномен с точки зрения того, насколько он довлеет общепринятой системе, а насколько значимо отклоняется от нее?

Ответ на этот вопрос не столь очевиден, как это может показаться на первый взгляд, и свидетельство тому – вся логика развития стиховедения, инициированная работами Б. В. Томашевского, В. М. Жирмунского, Б. И. Ярхо, а позднее А. Н. Колмогорова и М. Л. Гаспарова. Тем не менее нам представляется, что при всей дискуссионности противоположная точка зрения заслуживает как минимум обсуждения и как максимум подробного рассмотрения. Возможна ли теория, отказавшаяся от системного подхода и трактующая русский стих как набор феноменов, указывающих

на пути его дальнейшего развития? Если принять возможность двух альтернативных теорий стиха, естественно, придется говорить о разных методах и методиках его исследования.

В случае системного подхода ведущими приемами, которые позволяют говорить о развитии стиха, являются количественные измерения, которые позволяют верифицировать русское стихосложение, не отступая от знаменитой соссюровской оппозиции диахронии и синхронии, когда «синхроническое явление не имеет ничего общего с диахроническим: первое есть отношение между одновременно существующими элементами, второе – замена во времени одного элемента другим, то есть событие» [Соссюр, 1977, с. 124].

Именно имплицитная посылка, согласно которой стих является аналогом языковой системы, обусловила господство классической теории стиха и ее главного спутника – статистического метода. Статистический метод возможен лишь в случае отрицания альтернативного подхода, трактующего стих как организованное насилие над языком. В свете современного семиотического знания необходимо ответить на вопрос: является ли стих системным образованием, как его понимал Соссюр, либо он требует описания исходя из более поздней посылки, трактующей его вслед за Ж. Делёзом и Ф. Гваттари как ризому, т. е. неструктурного и нелинейного способа организации текста, оставляющего возможность для самофигурирования и являющегося, таким образом, автохтонным по отношению к языку, идеологии или психологии автора и читателя. По мнению авторов, ризома – это «семиологическое звено как клубень, в котором спрессованы самые разнообразные виды деятельности – лингвистической, миметической, жестикуляционной, познавательной; самих по себе языка, его универсальности не существует, мы видим лишь состязание диалектов, говоров, жаргонов, специальных языков, которые, словно крысы, извиваются одна поверх другой» [Можейко, 2001, с. 657]. Сейчас было бы преждевременным отвечать на вопрос: чем является феномен стихотворного текста – реализацией потенциальной системы языка или ризомой, направленной на разрушение такой системы. Вполне вероятно, что он расположен на границе двух реальностей, которая взывает к принципу дополнительности в его интерпретации, подобно тому, как физики описывают явление фотона – то как волну, то как частицу.

Как известно, в своих ранних стиховедческих трудах 1910-х гг. Белый счастливо избежал ловушки противоположностей. Небольшой объем прецедентных текстов, выбранных Белым для анализа (596 строк) позволил не дифференцировать эти подходы. Однако уже десятилетие спустя теории формальной школы столкнулись с указанным противоречием: в зависимости от того, выбираем мы макроуровень анализа или микроуровень, мы получаем различные результаты. В силу многих причин стиховедение выбрало именно макроуровень с привлечением теперь уже сотен тысяч

стихотворных строк. Следствием такого выбора стала потеря интереса к ритму отдельно взятого стихотворения и выдвигание в качестве объекта изучения метрической схемы. Наиболее последовательно на подобном принципе настаивал Б. В. Томашевский: «Мне важна именно типичность стиха, а не те частные стиховые проблемы, которые возникают при анализе отдельных примеров» [1959, с. 14].

Продолжая традиции классической теории стиха, А. Н. Колмогоров и М. Л. Гаспаров в 1960-е гг. сделали ряд важных открытий. Так, Колмогоров вместе с группой учеников создал теоретико-вероятностную модель стиха, показавшую принципиальные отличия частотных распределений слов и их сочетаний в стихотворной и прозаической речи. В это же время М. Л. Гаспаров показал, что большинство стихов русского дольника (75 %) имеют общую типологическую природу и укладывается в метрическую схему с пропусками 1 или 2 безударных слогов [Гаспаров, 1974, с. 224–225]. Видимо, оставшаяся четверть, которая не укладывалась в метрическую схему, интереса не представляла, поскольку состояла из набора отдельных частных случаев.

Вместе с тем в самом системном подходе нетрудно обнаружить существенное противоречие. Декларируя принцип независимости выбора материала от его ценностных качеств, сторонники статистического метода оказались в западне, созданной внелитературными обстоятельствами. Так, например, при анализе двусложных размеров «в качестве материала привлечено около 80 000 стихов советских поэтов; стихи брались только с мужскими и женскими окончаниями, так как специфика дактилических окончаний могла отразиться и на внутреннем строении строки. Исчерпать всю стихотворную продукцию советских поэтов было делом заведомо невозможным, да и не нужным» [Там же, с. 78]. Следовательно, из поля зрения исследователя исключались стихи по трем разным основаниям: а) с дактилической клаузулой, потому что их мало (значительно меньше 80 тысяч); б) двусложные размеры в поэзии русского Зарубежья (ввиду недоступности, хотя их было явно больше 80 тысяч и они имели иную природу, в силу того что поэты писали в иноязычной языковой среде и существовали в ином, чем советские поэты, контексте); в) стихи советских поэтов, не попавших в печать часто, но не всегда, по низкому художественному уровню (хотя ранее утверждалось, что выбор такого уровня для стиховеда не имеет никакого значения – не важно, чьи стихи перед нами, Пушкина или Ф. Чуева). Таким образом, при всех благих намерениях критерии отбора имплицитно задавались редактурой и цензурой и не гарантировали ни универсальности, ни объективности. Возникновение сетевой поэзии в XXI в. сделало практически невозможным решение универсальных задач системного описания стиха статистическими методами. Всякий раз перед исследователем встает неразрешимая дилемма: либо по-

грузиться в хаос дурной бесконечности, либо предпочесть мотивированную выборку без претензий на универсальность.

Одновременно с этим существует и иной способ описания стиховой картины мира: сосредоточиться на ряде прецедентных текстов, выбор которых обусловлен вполне объективным критерием – мерой отклонения от среднестатистической нормы. Частным случаем такого отклонения и является сознательное нарушение поэтом метрической схемы в пользу ритма. Именно такую возможность вслед за Андреем Белым допускал один из самых пронизательных теоретиков стиха в XX в. К. Ф. Тарановский: «Современная наука о стихе всё более и более настойчиво пытается вскрыть диалектические связи между тем или иным стихотворным ритмом и той или иной поэтической тематикой. Оперировав только с понятием метра, убедительных результатов в этом направлении достичь невозможно. Следовательно, в исследованиях, преследующих эту цель, нужно исходить из живого движения стихотворного ритма» [2000, с. 313].

В случае отказа от концепции порождения стихотворного ритма метрической схемой и феноменологического описания ритма как отдельно взятых прецедентных текстов имеет смысл привести примеры такого описания на материале русской поэзии XVIII–XIX вв. Значимость таких примеров обусловлена прежде всего тем, что каждый из них не связан с основными тенденциями эволюции стихосложения, но существует как отдельно взятая фигура на ее фоне. Их спорадический характер свидетельствует, с одной стороны, о смелой попытке взломать жесткую схему метрических правил и ограничений, а с другой – о невозможности придать таким изменениям устойчивый системный характер. В контексте этих рассуждений нельзя не согласиться с тезисом Ю. Б. Орлицкого, согласно которому «в XVIII–XX вв. в России складываются объективные предпосылки возникновения новой системы национального стиха – верлибра, одиночные опыты которого спорадически появляются на периферии литературного процесса, в первую очередь – в переводческих экспериментах. Дальнейшее развитие эти эксперименты получают уже в следующем, XX веке» [2002, с. 341]. С точки зрения эволюции стиха движение к верлибру, вероятно, является не конечной точкой системы, но ее концом, превращением в ризому. Строго говоря, верлибр – не лингвистическое, но семиотическое изобретение, ибо «в понятии стиха важным оказывается знак его, динамизирующий принцип, а не способ его проведения <...> Таким образом, различие между стихом и прозой как системной и бессистемной в фоническом отношении речью опровергается самими фактами; оно переносится в область функциональной роли ритма, причем решает именно эта функциональная роль ритма, а не системы, в которых он дается» [Тынянов, 1965, с. 57, 66].

Итак, рассмотрим некоторые примеры прецедентных текстов, иллюстрирующих выпадение из системы развития стиха.

Пример 1. Одним из ярких случаев такого выпадения могут служить два стихотворения Г. Р. Державина 1794 г. – «Ласточка» и «На смерть Екатерины Яковлевны, 1794 году июля 15 дня приключившуюся». Оба текста связаны между собой мотивом ласточки, которая возвратится весной, и безвозвратностью утери близкого человека.

О, ты, ласточка сизокрылая!
Ты возвратишься в дом мой весной;
Но ты, моя супруга милая,
Не увидишься век уж со мной.

Перед нами редкий ансамбль неповторяющихся размеров, создающих уникальный ритм текста. Первая строчка напоминает будущий акцентный стих с четырехсложным межиктовым интервалом, вторая – классический четырехстопный дактиль, четвертая как бы отсылает к будущему четырехстопному ямбу с дактилической клаузулой типа блоковского «и каждый вечер, в час назначенный», а четвертая строка оказывается трехударным дольником со стяжением на последнем икте. С учетом использования сверхсхемных ударений мы с полным правом можем говорить об отказе от регулирующей роли метра в пользу оригинальной ритмической композиции, к которому будут часто обращаться поэты следующих столетий.

В стихотворении «Ласточка» наблюдаем ту же прихотливую игру с отказом от метрической схемы.

Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя, поешь,
Крыльшками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь.

Здесь в ритм варьирующихся анакруз первого, второго и четвертого стихов врывается будущий тактовик с тремя и двумя междударными промежутками. Следует заметить, что революционные ритмические опыты Державина вызвали неоднозначную реакцию современников. Как пишет комментатор, касаясь «Ласточки», «ритмическое разнообразие стихотворения иногда приводило современников в смущение. Если Н. М. Карамзин в выноске к двум первым стихам первоначальной редакции: “Домовита ласточка / Маленькая, сизенька птичка!” заметил: “сие смещение мер может быть очень приятно”, то другой поэт и близкий друг Державина, В. В. Капнист, попытался “исправить” ритмику державинского стихотворения, втиснув метрическое богатство “Ласточки” в тесные рамки четырехстопного ямба» [Западов, 1957, с. 410].

Пример 2. В написанном не позднее 1830 г. стихотворении Ф. И. Тютчева «Silentium!» встречается знаменитый ритмический перебой:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои –
Пусть в душевной глубине
Встают и заходят оне.

Лишний ударный слог в последнем стихе катрена резко выделяет его из общей стихотворной массы и играет роль ритмического курсива, или, как сказал бы С. П. Бобров, литавриды. Четверть века спустя, готовя к печати первый сборник поэта, И. С. Тургенев (скорее всего с согласия Тютчева) изменил четвертую строку, придав ей «нормальный вид»: «И всходят, и зайдут оне». Как и в случае с Державиным, этот пример свидетельствует о сомнениях и колебаниях поэтов между стремлением сломать метрическую схему с целью создания художественного эффекта и желанием писать, как все.

Тютчев не был единственным поэтом, кто продолжал державинскую традицию слома метра в 1820–1830-е гг. Как показал Б. М. Эйхенбаум, подобные эксперименты встречались и у молодого Лермонтова, и у некоторых поэтов второго ряда. В качестве примера исследователь приводит четверостишие из стихотворения Подолинского «Мелодия»:

Как чудная арфа, с колыбели она
До самой могилы играет,
Сокрыта глубоко. Не видна, не слышна,
Нигде, никогда не смолкает.

Эйхенбаум справедливо полагает в данной связи, что «ни Подолинский, ни Лермонтов не развернули этих своих ритмических опытов так, чтобы они вошли в русскую поэзию. Известно, что подобные ритмические вариации есть и у Тютчева, и у Хомякова, но развитие их, как оно последовало в наше время, было тогда, очевидно, еще невозможным. Опыты эти остались в качестве намека на возможность будущей реформы» [1987, с. 171].

Пример 3. «Наше время», о котором пишет Эйхенбаум, охватывает первую четверть XX в., когда дольник окончательно утверждается в поэзии. Начиная со «Стихов о Прекрасной Даме» (1902) «русский тонический стих вступает в новый период своего развития. Здесь впервые дольник становится органическим явлением русского поэтического языка, стиховой формой, равноправной со старыми силлаботоническими размерами» [Жирмунский, 1975, С. 196].

Вместе с тем, как показывают опыты самого Блока и других поэтов-символистов, традиционные формы дольника, укладываемые в 5 основных типов, оказались недостаточно радикальными для окончательного разрушения метрической схемы и установления монопольного господства ритма. Так, еще весной 1902 г. З. Гиппиус пишет стихотворение «Алмаз». Вот как звучат первые две строфы этого текста:

Вечер был ясный, предвесенний, холодный,
Зеленая небесная высота – тиха.
И был тот вечер – Господу неугодный,
Была годовщина нашего невольного греха.

В этот вечер, будто стеклянно-звонкий,
На воспоминания и на боль мы осуждены.
И глянул из-за угла месяц тонкий
Нам в глаза с нехорошей, с левой стороны.

Указанный отрывок интересен тем, что в нем на фоне четырех акцентных групп междударные интервалы варьируются от 1 слога (высота – тиха) до 4 (Господу неугодный), особенно интересен стих «На воспоминание и на боль мы осуждены» с редкой для русского стиха четырехсложной анакрузой. Благодаря ритмической конструкции, выбранной Гиппиус, метр как традиционная основа стиха перестает ощущаться, а сам текст выявляет ризоматический характер, оставляющий возможность самофигурирования и автохтонности по отношению к существующей традиции.

Двигаясь в сторону отказа от традиционных трехсложных размеров, техника которых была разработана Некрасовым и его последователями, Блок не ограничился дольниками, но активно искал формы, связанные с окончательным отказом от метра. Здесь особенно интересно его стихотворение без названия, состоящее из двух катренов, написанное в 1903 г.:

У берега зеленого на малой могиле
В праздник Благовещенья пели псалом.
Белые священники с улыбкой хоронили
Маленькую девочку в платье голубом.

Все они – помощью Вышнего Веления –
В крове Бога небесного Отца расцвели
И тихонько возносили к небу курения,
Будто не с кадьницы, а с зеленой земли.

В этом стихотворении чередование четырех- и трехиктного акцентного стиха усиливается дополнительным ритмическим курсивом с междудар-

ным, как и у Гиппиус, интервалом в 4 слога (не с кадьницы, а с самой земли). Этот опыт предвосхитил открытия двух будущих десятилетий и вкупе с опытами Блока в области верлибра явно обозначал неизбежность радикальных перемен в стихосложении.

Приведенные примеры русских стихов от Державина до Блока позволяют говорить о двух тенденциях, связанных с версификацией. Одна из них демонстрировала четкое удержание ритма в строгих пределах метрической схемы, другая свидетельствовала о сознательном разрушении этой схемы и выдвигании на первый план уникального ритмического строения. В количественном отношении, как уже говорилось, первая тенденция многократно перекрывала вторую. Однако более чем вероятно, что именно прецедентные тексты, несмотря на их незначительное число, предвосхитили общую картину стиха XXI в., когда отказ от метра перестал восприниматься как экзотика, а выступил в функции минус-приема, сигнализирующего о переходе текста от системы к ризоме. И в этом смысле прав современный исследователь, когда говорит, что «непредсказуемость новой поэзии проявляется в отсутствии классических норм и привычных принципов стихообразования» [Максимов, 2015, с. 8].

Список литературы

- Гаспаров М. Л.* Белый – стиховед и Белый – стихотворец // Андрей Белый: проблемы творчества. М., 1988.
- Гаспаров М. Л.* Современный русский стих. М., 1974.
- Жирмунский В. М.* Теория стиха. Л., 1975
- Западов В. А.* Примечания // Державин Г. Р. Стихотворения: Библиотека поэта. Л., 1957.
- Максимов В. В.* Дебютная коллекция // Силантьев И. В. Жизнь легка: Сборник стихов. М., 2015.
- Можейко М. А.* Ризома // Постмодернизм: Энциклопедия. Минск, 2001.
- Орлицкий Ю. Б.* Стих и проза в русской литературе. М., 2002.
- Соссюр Ф. де.* Труды по лингвистике. М., 1977.
- Тарановский К. Ф.* Четырехстопный ямб Андрея Белого // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000.
- Томашевский Б. В.* Стих и язык. М.; Л., 1959.
- Тынянов Ю. Н.* Проблемы стихотворного языка. М., 1965.
- Эйхенбаум Б. М.* Лермонтов: опыт историко-литературной оценки // Эйхенбаум Б. М. О литературе. М., 1987.

Article metadata

Title: Rhythm as phenomenon and as system. Two modes of description of Russian poetical text

Author: Yu. V. Shatin

Author's e-mail: shatin08@rambler.ru

Author affiliation: Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

Abstract. The article is devoted to the problem of description of the verse rhythm. According to our conception the verse rhythm realizes the connection with metric scheme and simultaneously resists it. The high degree of this resistance determinates the innovator mastership of verse. The verses lose system characters and become the risoma (as it is understood by Deleuse and Guattari). In spite of the risoma characters the poetry of XXI century the single examples may be discovered in poetry of XVIII–XX centuries.

Key terms: phenomena, rhythm, metre, system, risoma.

Reference literature (in translation):

Gasparov M. L. Belyj – stihoved i Belyj – stihotvorec [Belyj – connoisseur of verse and Belyj – poet]. *Andrej Belyj: Problemy tvorčestva [Andrej Belyj: Problems of creativity]*. Moscow, 1988.

Gasparov M. L. *Sovremennyj russkij stih [Modern Russian verse]*. Moscow, 1974.

Zhirmunskij V. M. *Teorija stiha [Theory of verse]*. Leningrad, 1975.

Zapadov V. A. Primechanija [Foot notes]. *Derzhavin G. R. Stihotvorenja: Biblioteka poeta [Derzhavin G. R. Verses: poet's library]*. Leningrad, 1957.

Maksimov V. Debyutnaja kollekcija [Collection for the beginning]. *Silantjev I. Zhizn' legka [Silantjev I. Life is easy]*. Moscow, 2015.

Mozhejko M. A. Rizoma [Risoma]. *Postmodernizm [Postmodernism]*. Minsk, 2001.

Orlickij Yu. B. *Stih i proza v russkoj literature [Verse and prose in Russian literature]*. Moscow, 2002.

Saussure F. *Trudy po jazykoznaniju [Collected works in linguistics]*. Moscow, 1977.

Taranovskij K. F. Chetyrehstopnyj jamb Andreja Belogo [Chetyrehstopnyj jamb of Andrej Belyi]. *Taranovskij K. F. O poezii i poetike [Taranovskij K. F. About poetry and poetics]*. Moscow, 2002.

Tomashevskij B. V. *Stih i jazyk [Verse and language]*. Moscow, Leningrad, 1959.

Tynjanov Ju. N. *Problemy stihotvornogo jazyka [Problems of verse language]*. Moscow, 1965.

Ejhenbaum B. M. Lermontov: opyt istoriko – literaturnoj ocenki [Lermontov: historical and literary evaluation]. *Ejhenbaum B. M. O literature [Ejhenbaum B. M. About literature]*. Moscow, 1987.